

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ДИАЛОГА КУЛЬТУР

В современной практике взаимодействия языков, имеющей место в российских республиках, в настоящее время существуют два подхода. Первый подход опирается на идеи лингвистической экологии. Согласно ему каждый язык должен сохраняться любыми возможными способами, несмотря на экономические издержки и его востребованность в конкретной культурной среде. Сторонники этого подхода рассматривают этнические сообщества с позиций социобиологического подхода, как своего рода коллективные тела. А потому и язык они оценивают соответствующим образом. Натурфилософское понимание культурных явлений позволяет относиться к языкам, как к животным и растениям и составлять не только красные книги вымирающих видов, но и красные книги языков, хотя культура не есть некий застывший канон и она постоянно меняется. А равно меняются языки, их роль, приверженность к ним со стороны представителей разных культурных сообществ.

Второй подход опирается только на принципы права и базируется на двух ключевых культурных правах – праве на отличие и праве на культурную свободу. Первое право означает, что культурная отличительность есть неотъемлемое право каждого человека, а второй означает, что человек сам вправе выбирать себе культурные ценности и навязать их ему нельзя, т. е. **насильно сохранять язык невозможно, если он перестает быть востребованным.**

В политико-идеологическом плане любой этнический язык сегодня выступает как основа идеологии этнического национализма - он рассматривается как своеобразный легитиматор власти и инструмент культурной и политической сепарации общества. Этнические антрепренеры являются самыми активными пропагандистами идеи «язык есть власть», но особенно очевидно такое отношение к языку в бывших советских республиках. Местные этнические активисты сформировали вполне

законченные версии идеологии этнического национализма, которые базировались на двух ключевых идеях: приоритете «коренного народа» и его особых политических, экономических и культурных правах, а также о групповом праве как способе консервации культурной отличительности.

Республиканские социумы рассматриваются этническими идеологами и активистами не как сообщества равноправных граждан, а как иерархически организованные сообщества, представленные в форме некой культурной и социальной пирамиды, на вершине которой находится «коренной народ», а в ее основании – «некоренное население». При этом, понятие «коренной народ» фактически интерпретируется как «главный народ». А поскольку это «главный» народ, постольку его культурные ценности, включая язык, есть ценности не только приоритетные, но ценности интегрирующие, которые не только должны принять как свои представители всех других этнических групп, т.е. «некоренное население» республик, но и навязывать эти ценности с помощью государственных институтов. Исходя из такого символического понимания республиканских территориальных сообществ, в ряде республик формировались образовательные концепции и практики, а также их правовое оформление. На их основании в Татарстане, Республике Коми, Мордовии, Марий Эл, Чувашии было введено обязательное изучение языков титульных народов, при том, что в Коми представители титульного этнического сообщества составляют только 23% населения республики, а почти 40% коми во время последней переписи населения назвали русский своим родным языком.

При этом, для большинства жителей республик, включая представителей т.н. «коренных народов», русский язык является основным средством общения во всех сферах. Языковые ориентации в последние годы не менялись, несмотря на придание языкам титульных народов статуса государственных, разработке региональных программ развития этих языков, осуществление активных мер их государственной поддержки. Более того, позиции русского языка только усиливаются, что некоторыми этническими

антрепренерами рассматривается как процесс русификации меньшинств. На самом деле это усиление есть следствие сознательного выбора огромного количества самостоятельно мыслящих граждан, социальные и культурные ориентации которых строятся на рациональной основе, а не на алармистских идеях, предрекающих «вымирание» языков.

Сохранение языков меньшинств считается важнейшей политической задачей этнически ориентированных региональных элит. Но поскольку значительная часть этнических сообществ не желает «добровольно» сохранять и изучать «свой» язык, постольку, во-первых, необходимо клеймить «отступников», а во-вторых, надо найти основания для того, чтобы заставить всех членов «своей» культурной группы изучать их «родной» язык, даже если они признают родным не язык своей этнической группы, а язык культурных соседей.

Чтобы закрепить личность за группой этнические антрепренеры не только пытаются воздействовать на нее путем призыва к коллективной солидарности, но и требуют коллективных санкций против «этнических отступников», причем полагают, что государство должно занять позицию гаранта нерушимости границ между этническими группами, выступая тем самым за внедрение в практику региональной этнополитики советской модели фиксации этнической принадлежности личности или модели, которую можно охарактеризовать как «этническое крепостное право».

Сторонники вышеназванных взглядов по существу отрицают идею субсидиарности, провозглашающую, что права человека являются первичными по отношению ко всем другим правам, должны неукоснительно уважаться и не становиться предметом научных и этнополитических спекуляций, как это часто имеет место ныне.

С тем, чтобы иметь аргументы для воздействия на государственные институты и побуждения их к действиям, которые бы способствовали принятию решений, позволяющих навязывать язык хотя бы членам отдельной этнической группы, часто прибегают к идее так называемым «специальных

языковых прав», которыми якобы обладает культурное сообщество в целом. Но дело в том, что сама идея групповых прав, противоречит праву как таковому, противоречит сущности правового регулирования, ибо языковые и этнические сообщества не имеют четких и стабильных границ, а, следовательно, они не могут выступать в качестве *субъекта права*.

Данные самых последних исследований, проведенных в апреле и мае 2017 г. в ряде регионов РФ, в том числе и в Республике Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии показали, во-первых, что подавляющее большинство родителей школьников, самих школьников и студентов признают значимость этнокультурного образования и выступают за то, чтобы такое образование получало дальнейшее развитие.

Что касается изучения языков титульных этнических групп, то здесь, как и ожидалось, за обязательное изучение языков титульных групп высказалось меньшинство опрошенных, а идея полного перевода образования на языки меньшинств вообще не получила поддержки, в том числе и со стороны респондентов и экспертов из числа титульного населения республик.

При этом важно заметить, что реальные проблемы развития и сохранения языков часто оттеснены на второй план совместными усилиями этнических антрепренеров и региональных филологов, которые пытаются не столько решать проблемы языкового развития, сколько усложнять языковую ситуацию и отношения между культурными группами. Введение обязательного изучения языков титульных этнических групп привело к открытому конфликту интересов между представителями титульных групп и нетитульным населением, который до сих пор не разрешен полностью. А само языковое развитие рассматривается не только как возможность для местных филологов заработать и получить известность, но и как карт-бланш для проведения всяческих языковых экспериментов.

Особую популярность, в частности у филологов из регионов, в которых проживают уральские народы, приобрел пуризм, который, казалось бы,

изжил себя еще в XIX в. За последние 20 лет словарный состав коми, удмуртского, марийских и мордовских языков пополнился многими тысячами новых слов. Простые потребители языков уже перестают понимать тот язык, на котором с ними пытаются говорить со страниц прессы, телевидения. И общественным приговором пуризму является прогрессирующее отторжение новояза.

Между тем до сих пор не решена проблема создания единого литературного карельского языка, актуальной проблемой является нормирование многих языков. Ни в одной из республик *нет продуманных и целостных программ по формированию имиджа языков титульных этнических групп*. Между тем в мировой практике языковой политики, особенно в сложносоставных сообществах, именно этому направлению уделяется особое внимание. В таких программах на первом месте стоит задача формирования общественного мнения о престижности языка, но тесно увязана с ней и задача так называемого «языкового маркетинга», решение которой призвано изменить языковое поведение носителей недоминантных языков, а сам язык представляется как своеобразный продукт и в сфере общественного потребления рекламируются преимущества и достоинства этого продукта.

Все вышесказанное означает только одно: необходимо радикально и срочно менять основополагающие принципы языковой и этнокультурной региональной политики.